

НОВГОРОД И НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

НОВГОРОД • 1995

**НОВГОРОД
И НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**

(Материалы научной конференции.

Новгород, 24—26 января 1995 г.)

Выпуск 9

Новгород
1995

взяты образцы промытого древнего культурного слоя для анализа зерновых остатков (члены группы Х. Кролль и А. Альслебен).

К сожалению, в мысовой части Городища, со стороны речки Спасовки, начиная с ранней весны, «любителями старины» проводилась интенсивная промывка переотложенных участков древнего культурного слоя с целью поиска предметов старины (прежде всего монет и печатей) и поставки их различными каналами на новгородский и петербургский рынок древностей. В результате варварски была уничтожена значительная часть культурных отложений данного участка. Эта деятельность временно была прекращена лишь в период работы нашей экспедиции на Городище.

В. Я. Конецкий, С. Г. Сивохин

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СЕЛИЩА У ДЕРЕВНИ КНЯЖЬЕ СЕЛО ЛЮБЫТИНСКОГО РАЙОНА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1994 году Областной археологической экспедицией Новгородского государственного университета были предприняты охранные раскопки позднесредневекового селища у д. Княжье Село Любытинского района. Поводом для исследования данного памятника послужило то, что осенью 1993 года при строительстве дороги Брод — Княжье Село в результате несанкционированных земляных работ на берегу Княжесельского озера были вырыты две траншеи. В их обрезах органами охраны памятников был обнаружен культурный слой, содержащий органические остатки, в том числе в виде достаточно крупных бревен. Учитывая уникальность хорошо сохранившейся органики на рядовом средневековом поселении, а также опасность его дальнейшего разрушения было принято решение о проведении в 1994 году охранных раскопок.

В ландшафтном отношении район расположения памятника представляет собой долину р. Белой, ширина которой достигает двух километров. Почвенный покров этой долины сформировался за счет аллювиальных послеледниковых отложений. Легкость и плодородность этих почв, в основном

супесчаных, обеспечили концентрацию здесь населения в различные исторические эпохи, начиная с культуры длинных курганов. В настоящее время в долине р. Белой на участке протяженностью 10 километров зафиксировано три крупных поселенческих комплекса, два из которых включают городища; более 140 сопок и сопковидных насыпей, свыше 90 курганов различных форм, в числе которых насыпи культуры длинных курганов и древнерусский могильник. Позднесредневековые поселения данного микрорегиона специальным объектом археологического исследования пока не являлись.

Центром тяготения основной массы памятников является Княжесельское озеро, расположенное приблизительно в центре долины р. Белой. Озеро имеет овально-округлую форму с размерами $0,5 \times 0,35$ км. Сколь-либо заметные ручьи, впадающие в озеро или вытекающие из него, отсутствуют. По происхождению данный водоем, очевидно, является карстовым. По словам местных жителей в центре озера с некоторым отклонением к юго-западу имеется воронка «без дна». На большей же части озера глубина незначительная и дно имеет очень пологий рельеф и мощные илистые отложения. Несмотря на карстовое происхождение озера, на памяти нынешних старожилов резких изменений уровня воды не отмечалось. Берега озера почти по всему его периметру низки и заболочены. Ширина этой полосы, представляющей заросший лесом торфяник, достигает 100—150 м. Лишь на двух участках (на юго-западном и восточном берегах) к воде имеются твердые подходы. С одним из них — восточным и связано исследуемое селище. (Рис. 1).

Размеры селища, судя по выходам культурного слоя в придорожной траншее, составляют 230×90 м. Таким образом, древнее поселение было вытянуто полосой вдоль берега озера почти по линии север-юг. Площадка, на которой оно располагалось, представляет пологий склон между дорогой и озером с перепадом высот около 2 метров. Ближе к воде склон переходит в плоскую прибрежную полосу. Ширина ее колеблется от 6 до 15 м. По своему характеру — это торфяник, заросший травой и мелким лесом.

Раскоп был заложен на свободном от кустарника участке между двумя траншеями, о которых уже шла речь. Площадь раскопа составила 140 кв. метров: размеры по линии север-юг — 10 м, по линии запад-восток — 14 м. Западная

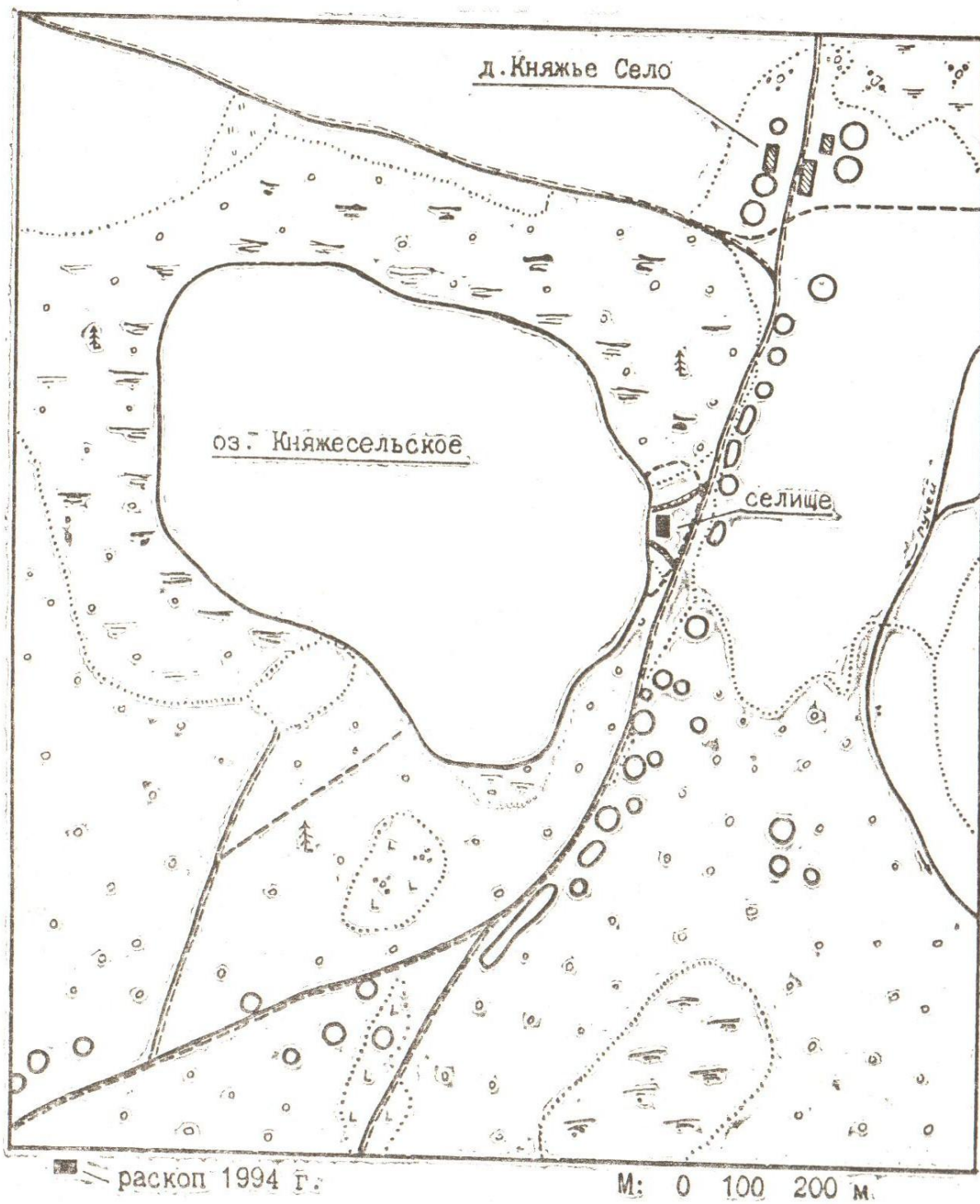

Рис. 1. План расположения раскопа.

длинная сторона раскопа была параллельна береговой линии и отстояла от нее в среднем на 1 м.

Площадка селища в пределах раскопа имела перепады высот в среднем до 0,4 м. Стратиграфия раскопа на разных его участках была различной. В восточной части под дерном, мощность которого составляла 0,05—0,08 м, находился культурный слой толщиной 0,3—0,35 м в виде гумусированного песка. Материк на данном участке представлял собой плотный песок в основном белесых оттенков.

Ближе к озеру, то есть по направлению к западу характер напластований менялся. Непосредственно под дерном, который был здесь более мощным, до 0,1 м, на данном участке зафиксирован слой перегнившего торфа, плотно переплетенного корнями растений. Толщина этого слоя составляла до 0,2 м. Ниже находился слой темного торфа, в котором в основном и сохранились бревна, а также иные древесные остатки. За материк здесь принят непотревоженный и не содержащий никаких остатков, связанных с жизнедеятельностью человека, торф коричневого оттенка. Материк в западной части раскопа располагался приблизительно на 0,2—0,25 м ниже уровня воды в озере, даже при относительно низком его стоянии летом 1994 года.

Сохранность древесины на разных участках была различной и зависела от степени влажности среды, то есть от глубины залегания и близости к озеру. В тех случаях, когда влажность была небольшой, от бревен сохранилась лишь наиболее смолистая сердцевина, и определение первоначального диаметра при этом не представляется возможным.

В восточной части раскопа дерево сохранилось очень плохо и представлено почти полностью прогнившими фрагментами бревен, лежащими без всякой системы. На этом участке встречены также остатки пней лиственных деревьев. Данное обстоятельство представляет определенный интерес при характеристике истории памятника. Очевидно, эти деревья могли вырасти лишь после того, когда данное поселение было заброшено, что в какой-то степени характеризует хозяйственную, и экологическую ситуацию в данном микрорегионе в один из периодов после прекращения функционирования данного поселения.

На восточном участке отмечено несколько камней до 0,35 м в поперечнике, большинство из которых находилось на одной линии. Эта же линия маркируется и деревянными колышками, вбитыми в материковый грунт. В двух случаях

они располагались попарно. Все это сооружение представляет собой, очевидно, основание фундамента одной из стен крупной постройки. В этом случае функция кольев сводилась к первоначальной фиксации бревна нижнего венца, что было важным при наличии уклона поверхности на данном участке. Предположительно длина стены могла составлять около 5 м. В раскоп 1994 года попала лишь одна стена, основная же часть этой постройки располагалась к востоку от раскопа. Интересно, что все это сооружение было построено на участке исключительно с песчаным материком, что позволяет допустить его жилой характер.

Западный — ближайший к озеру участок раскопа, как уже упоминалось, характеризуется значительной насыщенностью деревом. Крупные бревна и их фрагменты располагались без какой-либо системы. Бревна различались по размерам и сохранности. Наиболее крупные из них имели длину 3—4 м. Основная же часть фрагментарно сохранившихся укладывается в размер не более 2 м. Диаметры большинства из них составляли 0,1—0,2 м, хотя встречались и более толстые. По своему происхождению часть бревен, судя по врубкам на концах, относилась к остаткам построек, хотя большинство явно было связано с различными подкладками и вымостками, что было неизбежно, имея в виду характер грунта на данном участке. Он представлял собой, как уже говорилось, влажный торф.

Непосредственные следы построек в пределах этой части раскопа представлены слабо. С наибольшей уверенностью можно говорить об остатках одной из них в северной части раскопа. Данный объект представлял собой два бревна с врубками, образующими угол западной и северной стен сруба. Возможно, следы еще одной постройки имелись в центральной части раскопа. От нее также сохранились два перпендикулярно расположенные бревна, образующие угол сруба. Судя по размерам построек и отсутствию остатков печей, они имели хозяйственный характер. Кроме того, здесь были найдены отдельные бревна срубов, находившиеся в переотложенном состоянии. Промеры расстояний между врубками позволяют предполагать, что они не относились к постройкам, основания которых были зафиксированы. Очевидно, основания сооружений, соответствовавших этим бревнам, находились вне границ раскопа.

У самого северного края раскопа выявлено сооружение, представляющее собой два скопления бревен, расположен-

ных параллельно друг другу почти по линии запад-восток, то есть по направлению к озеру. Они лежали слегка наклонно в сторону озера. Положение бревен фиксировалось при помощи вбитых в грунт колышков. Между этими скоплениями имелось свободное пространство шириной приблизительно 1 м. По всей видимости, данное сооружение представляет собой остатки мостков, ведущих к озеру. Свободное пространство между бревнами в древности, очевидно, было заполнено более тонкими сучьями и ветвями, которые не сохранились.

Для нижнего горизонта западной части раскопа характерно более бессистемное расположение бревен. Кроме того, здесь встречены срубленные стволы деревьев с остатками сучьев. Вне всякого сомнения назначение большинства бревен данного горизонта состояло в том, что они являлись подкладками для вышележащих сооружений и в целом укрепляли поверхность торфяника. В момент заселения данного участка деревья, росшие здесь, были, видимо, срублены и оставлены на месте, что говорит о том, что здесь рос крупный лес. Это свидетельствует о более низком уровне воды в озере во время жизни на поселении, чем в настоящее время. Таким образом, очевидно, что размеры озера в тот период были значительно меньшими и к нему прилегала обширная сырая луговина.

В южной части раскопа зафиксировано значительное количество (более сотни) тонких колотых сосновых планок различной сохранности. Они имели ширину около 0,04 м, толщину около 0,01 м. Длина полностью сохранившихся экземпляров достигала 1,5 м и они имели один заостренный конец. (Рис. 3: 6). Кроме отмеченного скопления, остатки таких же планок худшей сохранности встречались в центре раскопа.

Этнографические аналогии позволяют однозначно интерпретировать принадлежность этих находок к гидросооружениям для запорного лова рыбы. Они известны у ряда народов Восточной Европы и Сибири. Обычно заколы представляли собой маты высотой до 3 м и длиной около 5 м, состоящие из сосновых планок, переплетенных между собой утком (кожей или лыком). Эти маты укреплялись на сваях и в определенной системе перегораживали реку, заставляя рыбу заходить в расставленные ловушки. Подобные находки известны и на археологических памятниках для эпох неолита и раннего металла. Они открыты на Оке, Верхнем

Подонье, в Латвии, в Вологодской области на реке Юг, в Швеции на острове Эланд. При этом значительная часть подобных открытий также связана с торфяниками. Для древнерусского времени такие находки не известны, хотя использование заколов (котцов) часто упоминается в письменных источниках. По этнографическим описаниям подобный способ ловли рыбы широко практиковался в XIX веке в окрестностях Новгорода. Надо полагать, что в дальнейшем подобные находки будут отмечены и в культурном слое древнего Новгорода.

Недостаточная сохранность в нашем случае не позволяет полностью реконструировать устройство этой ловушки. По всей видимости, мы имеем дело с развалом одного или нескольких матов. Они были изготовлены с использованием утка из материала, который не сохраняется в торфянике. О том, что планки имели переплетения, свидетельствует их строго параллельное расположение в каждом из фрагментов, на которые распались маты. Нахождение остатков котцов на территории селища связано, скорее, с их вторичным использованием в качестве легкой изгороди, поскольку при обычном хранении такие маты, как правило, сворачивались в рулоны.

Находки, найденные на раскопе, немногочисленны. (Рис. 2, 3). Это связано с тем, что исследованиям в 1994 году подвергалась прежде всего ближайшая к воде хозяйственная зона. Среди находок преобладали деревянные предметы. Фрагменты керамики, найденные в пределах раскопа, были немногочисленны и концентрировались в восточной части раскопа, наиболее близкой к жилой зоне. Всего найдено около 20 фрагментов. Все они принадлежали к белоглиняным горшкам плотного теста с хорошим обжигом, орнамент отсутствовал. При переборке переотложенного культурного слоя из отвала южной траншеи, связанной с жилой зоной, керамика встречалась гораздо чаще. Основной набор керамических форм составляли большие горшки диаметром 18—25 см с коротким венчиком и сильнопрофилированным туловом. Судя по аналогиям из средневековых слоев Пскова, Ладоги и Орешка, подобная керамика относится к XV—XVI векам.

Среди найденных фрагментов особый интерес представляет верхняя часть большого чернолощеного сосуда с узким горлом и широким туловом. На горловине этого сосуда имеется орнамент в виде волнообразного рельефного валика.

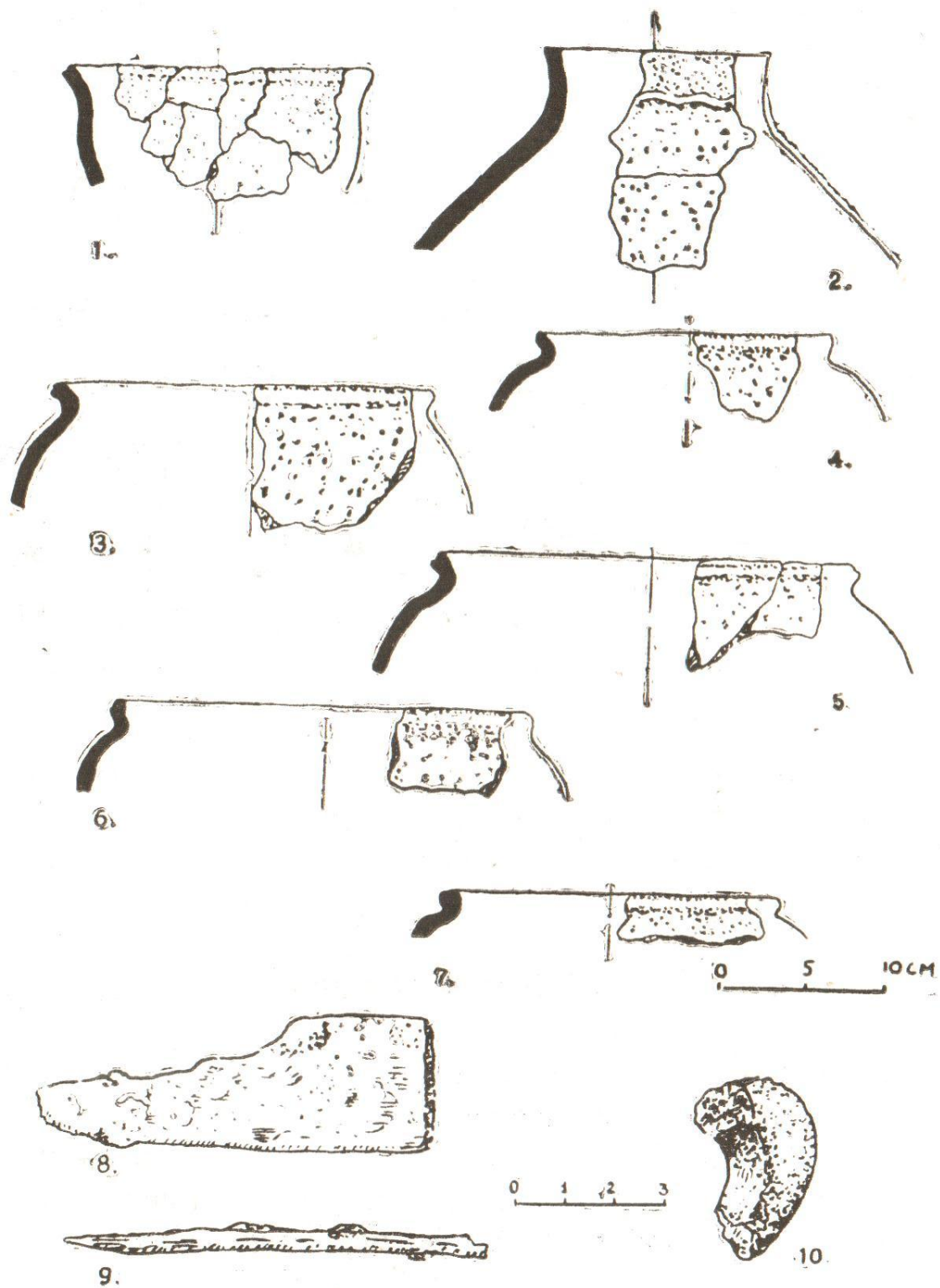

Рис. 2. Керамика и находки

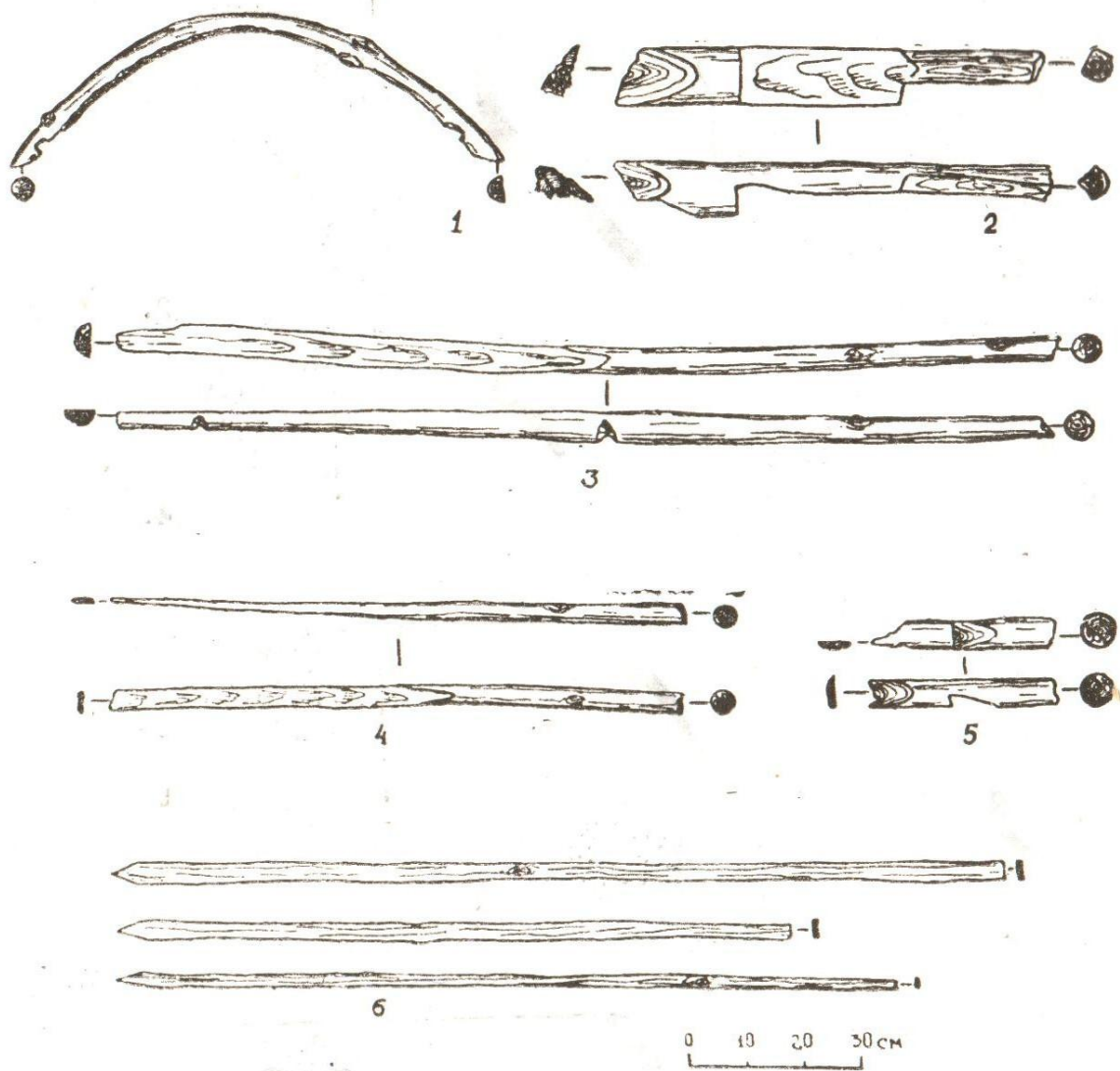

Рис. 3. Находки из дерева.

Данный сосуд имеет определенные этнографические аналогии среди глиняных квасников, производившихся гончарами сельских районов Новгородской земли еще в XIX — начале XX веков. Из прочих находок отметим фрагмент глиняного грузила от сети и железную проколку (шило).

Итак, судя по керамике, предварительная датировка памятника укладывается в рамки XVI века. При этом мы учитываем недолговременность существования поселения, жестко связанного с периодом низкого стояния уровня воды в озере. Точная дата может быть получена после проведения дендрохронологического анализа.

Проведенные работы показали большую перспективность дальнейших исследований данного памятника. До сих пор позднесредневековые селища, содержащие органику, на Северо-Западе раскопкам практически не подвергались. Вместе с тем, исследования подобных памятников могут дать важную информацию по целому ряду актуальных вопросов. В их числе планировка рядовой сельской усадьбы позднесредневекового периода, архитектура жилищ и хозяйственных построек, различные аспекты быта и культуры русского крестьянства. Особенно важно, что поздняя дата памятника позволит более тесно сомкнуть археологические данные с этнографическими.

В качестве специального археологического аспекта выделим возможность создания узкодатированного при помощи дендрохронологии «горизонтального» среза типов керамики и других категорий находок. Напомним при этом, что в настоящее время хронологическая шкала позднесредневековой керамики Северо-Запада, особенно для сельских памятников, остается практически не разработанной.

В заключение отметим еще один момент, как представляется, имеющий отношение к завершению истории этого поселения. Во время дорожно-строительных работ в 1993 году придорожной траншеей было уничтожено несколько погребений по обряду трупоположения. Они располагались к востоку от дороги, между нею и цепью курганов IX—X веков, на протяжении более чем 200 метров. Судя по сохранности костных остатков и по отсутствию находок и следов окислов цветного металла на костях, обычно сопутствующим древнерусским погребениям XI—XIII веков, они относятся к более позднему времени. Необычным представляется и характер могильника. Во-первых, это касается топографии. Он расположен в непосредственной близости (а практически, на самой окраине) от поселения и проезжей дороги, что не характерно для такого рода памятников. Кроме того, расположение погребений на значительном расстоянии друг от друга говорит о том, что могильник не использовался в течение длительного времени. Это кажется тем более странным, что в издавна обжитой местности, безусловно, имелись традиционные кладбища, функционировавшие много веков подряд. Создается впечатление, что эти погребения были совершены в экстраординарных условиях, к каковым можно отнести эпидемии или военные действия.

Что касается эпидемий, то об их распространении в сельских районах Новгородской земли сколь-либо определенными данными мы не располагаем, хотя как раз в середине XVI века в Новгороде отмечена эпидемия чумы. По поводу военных действий можно сказать более определенно. Единственным событием такого рода для данной территории в рассматриваемый период является «смутное время» начала XVII века, когда по всей Новгородской земле действовали польско-литовские отряды. Эти события оставили глубокий след в народной памяти: до сих пор повсеместно сохраняются предания о том, что «литва шла». Определенным аргументом в пользу соотнесения этих событий с возникновением данного могильника являются находки нескольких наконечников копий этого периода в окрестностях Любытина. Более конкретное решение этой проблемы, безусловно, может быть получено после проведения дендрохронологических анализов материалов поселения.